

Яков Ланда

ТРАНЗИТ

Сцены "Транзит" могут исполняться вместе с пьесой "Постояльцы" в одном спектакле под общим названием "Зал ожидания", попеременно используя пространство сцены.

Вокзал. Спящие на скамьях и полу . Плакаты: к 10-летию революции, "За бойца-сталинца добьем до конца!", "Жить стало лучше, жить стало веселей", "Долой врачей-убийц! Нет - безродному космополитизму!", "Нынешнее поколение советских людей будет жить...", "Экономика должна быть...", "Перестройку - в..." (далее не видно, плакаты перекрываются)", "Напиток ХИРО - новое слово на букву "х"! "

Мария и Михаил.

- Это - зал ожидания. Скамейки узки, тверды.
Хочешь - сядь, хочешь - ляг. Посиди, полежи снова.
Ожидай, что положено, - удачи, беды.
Потому, что тебе не положено зала иного.

Это - зал ожидания. Счастья, страданья
тут навалом, насыпом, слоями, рядами.
Влево, вправо - обязательно вступишь в рыданья.
Потому что достаточно здесь нарыдали.

Впрочем, выбора - этой единственно подлинно
человеческой роскоши - выбора нет.
В освещенной неярко и плохо натопленной
все же в нашей судьбе есть тепло, есть и свет.

То - свернувшись калачиком, то - вытянув ноги,
потому что скамейка тверда, узка,
ожидает с железной-железной дороги
золотого, серебрянного звонка...

Мария: Чьи это стихи?

Михаил: Слуцкий. Интересно, был бы он жив, уехал бы он сейчас? Причем именно в Германию... Знаешь, этот зал вообще по-моему не изменился...

- Да... Но он был, кажется, больше... Ты помнишь, как мы тут с тобой познакомились?

- Конечно помню. В сорок седьмом, когда я маму хоронить приехал... А ты своих разыскивала... Вон там мы сидели. Жизнь прошла - как один день... Если бы мне тогда сказали, что я поеду на старости лет в Германию... А тебе? Ты же с ними работала тогда... там хоть кто-то живой остался?...

- Не знаю. Я же уехала тогда, в сорок седьмом. Да они все уже по-русски понимали и без переводчика... Их тогда оставалось человек шестьсот - из десяти тысяч...

- Ну а наши - в этих ихних лагерях? Сколько погибло...

- Но ты же о **них** сейчас спрашиваешь... Да, совсем ничего не изменилось... Кажется, сейчас мама с папой войдут...

Рита и Борис. Входят с узлами.

Рита: Боря, я тебя прошу, перестань уже меня уговаривать: мы уже все решили, мы уже едем... что ты меня еще уговариваешь?... Как ты думаешь, Марксик не проснулся? Он так плакал вечером... Ну мы же его заберем, как только устроимся... Ты думаешь, он не проснулся?

- Не знаю. А вот главный по-моему проснулся. Если он вообще спал... После этого скандала... Я его так понимаю...

- А меня ты понимаешь? О, смотри... Он так проснулся... **Входит отец Риты.** Папа, зачем ты пришел - будем опять ругаться? Мы же обо всем договорились... Ты ребенка не разбудил? **Старик внимательно разглядывает плакат.** - Ну что ты делаешь вид, что ты с нами не разговариваешь! Если ты уже пришел так нас провожать... Я не понимаю...

- Нет, это я не понимаю - как это так: бросить дом, бросить детей и ехать неизвестно куда и неизвестно зачем! Там же одни антисемиты! И что вы там будете делать? Это же фабрика! Швейная фабрика! А ты еле писать умеешь!

- Он умеет. А я на швейной машинке умею. Какие антисемиты - посмотри: директор там - Гуревич, а тот, что со мной говорил, - Кацман... Одни евреи! Папа, ты не понимаешь, теперь другая жизнь, а через десять лет вообще будет социализм!... Мария будет врачом, а Маркс - инженером...

- Инженером... Опозорила ребенка на всю жизнь: вместо обрезания - какие-то христины... Вместо нормального еврейского имени - Маркс...

- Не "христины", а "крестины". Красные крестины. А Карл Маркс, между прочим, тоже еврей. О, поезд! Все, давай прощаться... Мы сразу напишем... Смотри, милиция... И двери закрыли - опять этих сначала будут грузить. Смотрите, сколько их выловили! И женщин сколько, от же заразы какие... Папа, ты не переживай, ты уже просто отстал от жизни...

- Ты зато передовая... Ой, я не знаю, что будет через десять лет, я не доживу. Я вижу, что сейчас делается...

- Ну, что? Это же - контрреволюционеры... Мы новую жизнь строим, а они нам гадят... Боря, ну объясни же ему ...

- Самуил Аронович...

- Боря, только не начинайте сейчас про эту классную борьбу...

- Классовую, Самуил Аронович...

- Ну классовую... Почему тогда наша Клара уехала в Америку? От этой самой вашей

борьбы? Ну все, идите уже, а то поезд тронется... **Уже в окно вагона:** Напишите, как устроились... **Поезд тронулся.** Может быть, они таки правы... Может быть, я уже ничего не понимаю.. Если бы знать, что будет дальше...

* * *

- Как ты можешь это помнить? Ты же тогда совсем маленькая была...

- Я сама с этого вокзала потом уезжала. До войны еще... Ну, когда маму забрали... Из-за меня...

Входят Мария с дедом. Мария:

Мы с папой с кладбища поздно пришли - с Марксиком прощались - она строчила . И ночью вставала, она еще строчила. Ну зачем...

- Что значит, зачем? Это тебе не тут, это у-ни-вер-си-тет... Ты что, в одном платье там будешь ходить?

- Постираю ночью... О, она таки проснулась... **Входит Рита** Мама, ну зачем...

- Что значит "зачем"... Тихо! Будут грузить, наверное... Господи, такое время, она уезжает... Тут не знаешь, чего ждать: то фашисты, то империлисты...

Дед: Им-пе-ри-а-листы!

Мария: Мама, никаких фашистов уже нет...

Дед: Германское ко-ман-до-вание!

Мария: Правильно... А империалисты - английские и французские... Мама, ты отстала от жизни...

Рита: Ты у нас зато передовая... Тихо! Начали грузить...!

Мария подбирается к окошку на перрон. Прислушивается.Комментирует.

Выстроили их... Одни женщины... Что-то он им зачитывает.. Постановление прави-тельства: им заключение заменяется на высылку за пределы... что-то они не радуются...

Еще военные пришли. Господи, это же фашисты... эти... германские военные... этих... женщин этих ... их отдают немцам... в вагон заталкивают... слышите?

Женский голос с акцентом:

Товарищи, слышит меня кто-нибудь? Мы - немецкие антифашисты... Из лагеря... Нас отдают ...эсэсовцам! Слышит меня кто-нибудь? Я - Рената Гольдберг из Хагенфельда! Слы...

Удары. Сдавленный крик. Тишина.

Рита: Господи, она тоже Гольдберг... Что ж это делается...

В зал входит офицер НКВД

- Вы что здесь делаете? Кто подходил к окну только что? **Пауза.**

Рита: Я подходила...

- Ну-ка идите за мной. **(уходят)**

Дед (прижав к себе Марию): Чем все это кончится? Если бы знать... **Поезд тронулся.**

* * *

- Миша, как ты думаешь, они на нас не обидятся?

- Кто?

- Ну все наши... Мы уезжаем, могилы остаются...

- Это с собой не возьмешь... Ты же договорилась со сторожем. Что еще можно сделать?

- Ничего... Он такой старый, этот сторож, неизвестно, сколько ему осталось...

- Мария, сколько нам осталось? Дети - там. Кто бы тут за нашими... присмотрел?...

- Все - поезд... Миша, ты понимаешь, что это уже - навсегда?...

- Мария, нас там дети ждут. Потом - может быть - Бог дает вторую жизнь... Все. Пошли. Если бы знать...

* * *

Вокзал. Никто не спит на полу. Реклама. Надписи на немецком языке. Звучат объявления.

Входят Мария и Михаил.

- Миша, не волнуйся, они же сказали: сидите в зале и ждите, мы за вами приедем.

- Я не волнуюсь... Но ты спроси кого-нибудь, где здесь зал ожидания. Или ты уже немецкий забыла?

- Надеюсь, не забыла... **(Проходящему полицейскому):**

- Entschuldigen Sie, bitte...

- Was kann ich für Sie tun?

Михаил. (Перебивает, протягивает полицейскому документы):

- Спроси его... Скажи ему, что наши дети... Мы евреи... Juden...

Полицейский (улыбаясь и жестом показывая: документы не нужны):

- .Wie bitte? Juden, aus Israel?

Мария: Wir sind mit dem Zug aus Kiev gekommen. Aus der Ukraine...

- Ukrainer?

- Nein... Wir sind Rußen... Russische Juden aus der Ukraine... Миша, он не может понять, кто мы...
Wir warten auf unsere Kinder... Sie sollten uns hier schon lange treffen...

- Wissen Sie... Es gibt hier eine Möglichkeit... Sie machen eine Anzeige, für Ihre Kinder... Eine
Lautsprecheransage... Kommen Sie mit mir zusammen...

- Миша, подожди... Он предлагает объявить тут, по радио... Я сейчас приду... (уходят)

Михаил наблюдает за расположившимся у вокзального входа (точнее, выхода) странствующим оркестриком явно отечественного происхождения. Музыканты заиграли что-то пронзительно знакомое...

Объявление по радио:

- Familie Goldberg, wohnhaft Hagenfeld, Ihre Eltern warten auf Sie im Wartesaal... Familie Goldberg,
wohnhaft Hagenfeld... **Появляется Мария.**

- Ну все - если они здесь, услышат...

Появляется сухонькая старушка. Растерянно оглядывается... Не видя поблизости никого, кроме Марии и Михаила, подходит к ним.

- Entschuldigung... Ich hab“ was gerade gehört.. Und ich dachte... Es gibt in Hagenfeld nur eine Familie
Goldberg, und das sind wir...

Михаил, опережая Марию:

- Гольдберг - это мы... В смысле - наши дети... Они нас встречают...

- Sie sprechen russisch? Sind Sie aus Rußland?... **(с сильным акцентом)** Вы из России? Русские?
Моя фамилия тоже Гольдберг...

- Нет, мы из Украины... Мы евреи... Русские евреи.. Из Украины... А вы...

- Мои дети - тоже Гольдберг... Хагенфельд... Но я была в молодости в России... Вы приехали в
гости? У вас дети в Хагенфельд? Это - в бывшем "Шененхоф"...! Я знаю ваших детей... Они сейчас
придут, мы вместе в поезде ехали... Я не знала только, что они тоже Гольдберг... Теперь я только
поняла... Вы приехали насовсем? В Германию?

Мария: Да. Мы насовсем... А почему вы так спрашиваете? Вы же живете в Германии...

- Просто так... Я не живу в Германии... После - как это по-русски... Ruhestand... После выхода на пенсию я живу во Франции... Я многое пережила в Германии... Концлагерь... Правда, у вас я тоже была в лагере... **(Марии):** А почему вы так на меня смотрите?....

* * *

Бывший "гаштет" (ныне общежитие) "Шененхоф" в Хагенфельде. Полуодетая Эмма подводит к выходной двери Ирину Захаровну и Игоря.

- А я вам говорю, стучали! Я слышала стук! Боже мой, это - антисемиты... Это те, что Блиндера избили... Теперь пришли нас бить.. Надо звонить в полицию!

Игорь. Эмма, ну что вы... Во-первых, Блиндера избили не антисемиты, а какие-то придурки... Наркоманы, что-ли... Ну - хулиганы... Откуда они могли знать, что он еврей? Потом, они же арестованы... Ну мало ли кто стучит... Надо открыть дверь...

Осторожно открывает. На пороге - Алексей:

- Извините, можно войти? Вы извините, что мы так поздно... У меня там жена и дочь.. В машине... Нам на бензоколонке сказали, что тут русские живут... Мы подумали... Мы едем домой, в Ленинград... в Петербург... Из Франции... Больше суток... Устали очень...

- Вы во Франции живете?

- Нет, я работал там год, по контракту... Я - биолог... А там - моя жена, и дочка там у нас, маленькая... Мы хотели попросить... Нельзя у вас - до утра как-нибудь?... Вторую ночь едем... А в машине - холодно...

Ирина Захаровна: Здесь не гостиница. Это - общежитие... А почему вы в гостиницу не пошли?

- Так тут закрыто все... ночь ведь уже... Потом, честно говоря, это тут целое состояние стоит... Мы только до утра, где-нибудь... хоть здесь прямо...

Ирина Захаровна:

Вы понимаете, это - общежитие... Коменданта нет... Как мы можем взять на себя ответственность... Здесь же капитализм... Вы знаете, я сначала была в Мюнхене, с сыном, у него температура, я там просила, в "Юдише гемайнде": разрешите хоть до утра на стульях посидеть, куда же мы пойдем поздно вечером, без языка... Не разрешили...

Игорь.

Все. Мы с Мариной эту ответственность берем на себя. Несите дочь сюда, ее в нашей комнате положим, а вам мы в столовой постелим, там не холодно...

Инна Захаровна.

- Смотрите, Гольдберг, как бы не было последствий... Для вас с Мариной...

Эмма:

- Да-да... Особенно - с Мариной... У вас не чисто еврейская семья... Ваша Марина вообще должна бы знать свое место в еврейской компании...

Суслов (появляясь из своей комнаты. Там идет небольшая вечеринка. Подвыпившие участники за его спиной: "Вставай, страна огромная! Вставай на смертный бой... С фашистской силой темною... С проклятою ордой!..")

- Что случилось?...Вы???

Алексей:

- Я... А вы-то что здесь делаете?... **(Игорю:)** Этот товарищ, извините, господин, из нашего районного ОВИРА. Он нас год мучил, не давал уехать... По контракту... Так вы тоже - еврей... Вот не думал... Вы ведь Суслов? Суслов Сергей Иванович?...Да?

Суслов онемел. Беспомощно оглядывается. Грубо:

- Я вас в первый раз вижу! Я... **(скрывается в своей комнате, хлопнув дверью)**

Эмма: Я вижу, тут не еврейский хайм, а Бог знает что!... **Уходит.**

Алексей:

- Извините... Я передумал... Мы дальше поедem... **(Игорю:)** Правда, спасибо. Мы поедem... Тут уже до Берлина часа три-четыре... К утру доедем... Спасибо... **(уходит)**

Игорь: Господи, стыд какой...

Ирина Захаровна:

- Да, стыд... Стыд, что мы все тут, в Германии... Если бы моя покойная мама только знала, где я... **(уходит)**

Из комнаты Суслова выходят трое раскрасневшихся его собутыльников. Проходят мимо оторопевшего Игоря, допевая:

"...Пусть ярость благородная вскипает как волна... Идет война народная... Священная война!..."

* * *

Вокзал. Телефоны-автоматы. Игорь и Марина слышат голоса говорящих:

- Halo... Ja, gerade ausgestiegen... Ja, bis zum Abend bestimmt...Ja, ja...

- Витя, сколько тебя, мудака, еще ждать? Мы же договорились...

- Ich bin`s... Hör` doch auf... Was denn sonst... Na und?...

- Алло, это Элла... Илья Ефимович, Софу позовите... Софочка, как вы думаете, что я сейчас видела? Да, распродажа... Да, и чудесные! Как раз на вашу голову...

Игорь: Смотри, уже fifty-fifty... Случайная выборка... Где же они? Ты постой тут, я еще раз на платформу сбегаю... **(убегает)**

Старик с палкой, слышавший их разговор, подходит к Марине:

- Ви говорите по-русски? Русские? Давай, работай...

- Ну, в общем, мы из России... Из Украины... А вы учили русский язык?

- Да я учил... В это... Gefangenschaft... В плену я учил... Нас десять тысяч учило... Десять тысяч начало... Пятьсот окончило в пятьдесят пятом... Там я учил... **(пауза)**

- Я знаю здесь русских... Это евреи, они приехали насовсем... А вы - в гости? Давно здесь?

- Нет... У меня муж еврей... Мы тоже - насовсем... А вы как, против?

- Nein, warum denn?... Конечно не против... Знаете, там, в лагере, я знал одну еврейку... Переводчицу, она мне хлеб приносила... Я тогда очень слабый был, потому что совсем молодой... У нее вся семья погибла... А она мне хлеб приносила... Дай вам, Бог... Вы думаете, вы здесь... как это... einleben?...

- Я поняла... Наверное... По-крайней мере, дети... У нас два малыша, сын и дочь... Я мечтаю, чтобы дочь - врачом, сын - инженером...

По радио: "Familie Goldberg aus Hagenfeld... Ihre Eltern..."

Марина: Это наши... Я побежала... Да, спасибо... Вот - новая жизнь начинается... **(убегает)**

Старик: Ja, ja... Neues Leben... Wenn man nur wissen könnte...

* * *